

аналитической статьи (категории интенциональности), которые могут быть заявлены как в ее инициальной позиции (заголовке, подзаголовке), так и последовательно раскрываться в высказываниях автора и других участников коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев [и др.]. – 2-е изд. – М. : Сов. Энцикл., 1989. – 373 с.
2. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с фр.: Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель ; ред., вступ. ст. и примеч. Р. А. Будагова. – 3-е изд. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
3. Грамматика русского языка : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1 : Фонетика и морфология. – 719 с.
4. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1990. – 263 с.
5. Грамматика русского языка : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2, ч. 2 : Синтаксис. – 440 с.
6. Грамматика современного русского литературного языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
7. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 144 с.
8. *Панфилов, В. З.* Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // *Вопр. языкознания.* – 1977. – № 4. – С. 37–48.
9. *Худяков, А. А.* Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений / А. А. Худяков. – М. : Академия, 2005. – С. 56–67.

The article focuses on the interaction between the categories of modality and evaluation in British analytical articles. Patterns of their realization as well as peculiarities of compatibility with each other and their role in the embodiment of the author's intentions have been identified.

Поступила в редакцию 10.01.2019

М. М. Лойша

РИТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ Т. МЭЙ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается проблема создания коммуникативного образа ратора в политическом институциональном дискурсе как подязыка с определенной системой профессионально ориентированных знаков. Описывается понятие идеального образа оратора и его реализация в определенной коммуникативной ситуации. Анализируются как характерные, так и индивидуальные проявления риторического образа в ситуации публичного выступления.

Общие представления об идеальном образе ратора известны уже давно. Наиболее цитируемыми являются труды Аристотеля «Риторика» и Цицерона «Об ораторе». Хотя Аристотель непосредственно не рассматривал проблему идеального оратора, он определял образ античного оратора на основе требований, предъявлявшихся по отношению к ораторской речи [1]. Более детальные рассуждения об образе оратора мы находим у Цицерона, который утверждал, что оратор – это государственный деятель, использующий публичное слово, чтобы регулировать общественную жизнь, совершать регулярное правосудие, сохранять надлежащий уровень общественной нравственности и единства общества. И этот государственный деятель «всему государству в целом приносит счастье и благополучие» [2, с. 169]. Поэтому «оратором, достойным такого многозначительного названия, будет тот, кто любой представившийся ему вопрос, требующий словесной разработки, сумеет изложить толково, стройно, красиво, памятно и в достойном исполнении» [Там же, с. 176].

Данные требования обуславливались, прежде всего, характером и укладом политического общества той эпохи, их культурными, социальными и нравственными ценностями. Следовательно, по мере того, как человеческое общество переживало ряд трансформаций, менялся и идеальный образ ратора, хотя его определенные черты сохраняются неизменными в риторической культуре тысячелетиями.

Так, например, в современной риторике оратор – это общественный деятель, который трезво оценивает и контролирует свои цели, возможности и нравственное содержание высказываний. При работе над своим имиджем он отбирает аргументы и средства выражения, чтобы его образ наиболее полно соответствовал ожиданиям аудитории об идеальном образе ратора [3]. Как указывает А. А. Волков, «индивидуальный образ ратора складывается в его практической деятельности и во многом зависит от культуры аудитории, к которой ритор обращается. Аудитории с высокой культурой формируют влиятельный образ ратора, аудитории с низкой культурой формируют образ ратора, сомнительный с точки зрения пафоса, логоса и этоса, поскольку ратору всегда приходится в большей или меньшей степени подстраиваться под аудиторию» [Там же].

Рассматривая современный подход к проблеме образа ратора, мы убеждаемся, что риторика по-прежнему определяет как нравственные требования к оратору, например, честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность, так и характерный набор средств ораторского мастерства, который включает традиционные, описанные Аристотелем, риторические приемы и средства языкового воздействия, изучение которых стало популярным уже в современной лингвистике.

Несмотря на существующее общепринятое в искусстве красноречия представление об образе оратора как «риторическом идеале», индивидуальный портрет ратора определяется его статусом как субъекта коммуникативной ситуации. Субъект современной публичной речи уже не является ратором или оратором в классическом понимании этого термина, он, прежде всего, исполняет роль педагога, политического деятеля, защитника или

обвинителя в суде. Данные социальные роли приводят нас к другой составляющей образа ратора, а именно коммуникативному контексту, который может быть рассмотрен на примере типологии институциональных дискурсов.

Понятие институционального дискурса разрабатывается как в зарубежной лингвистике, так и в российской. Так, Т. ван Дейк определяет институциональный дискурс как взаимодействие в рамках сложившихся в обществе институтов, регулируемое деятельностью самого социального института [4, с. 47]. Е. И. Шейгал понимает данный дискурс как «дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации» [5, с. 43]. Если в дополнение к вышеизложенным определениям рассмотреть определение В. И. Карасика, которое отмечает, что это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [6, с. 292], то очевидным становится вывод об ожидаемых стандартах поведения, типизации повторяющихся действий, которые в течение времени становятся нормой для данного института.

Образ ратора как субъекта политического дискурса включает в себя особенности данного дискурса и состоит из языковых и речевых средств, характерных для коммуникативных процессов данного социального института. Рассмотрим языковые и речевые средства создания образа ратора в британском парламентском дискурсе.

Британский парламент является одним из старейших институтов власти в стране с многовековыми традициями, которые предопределяют поведение выступающих перед парламентариями. Нам представляется интересным проанализировать выступление премьер министра Великобритании Терезы Мэй от 15 ноября 2018 г., в котором она информирует присутствующих о том, что было сделано для достижения соглашения по выходу страны из Европейского союза.

Композиционно ее выступление состоит из двух главных частей: непосредственно самого доклада и ответа на вопросы парламентариев. Именно в докладе наблюдаются строгие каноны построения выступления. Так, Т. Мэй обращается вначале со словами благодарности к своим оппонентам по данному вопросу, используя традиционное обращение *my right hon. Friends the Members for Esher and Walton*. Стилистическая пафосность вводной части речи подчеркивается употреблением выражения *I want to pay tribute*, использование которого характерно для речей, посвященных особым событиям. Основная часть выступления посвящена информированию об общих предварительных договоренностях по соглашению о выходе и деталях, которые касаются одного из наиболее спорных пунктов соглашения, а именно вопроса установления физической границы между Северной Ирландией и Республикой Ирландией. В заключение Т. Мэй еще раз перечисляет преимущества достигнутого предварительного соглашения и призывает членов парламента одобрить его, ставя их перед интересным выбором, где голосование «за» будет способствовать, со слов Т. Мэй, движению страны вперед, а голосование «против» отбросит страну назад.

Следует отметить такую особенность построения речи, как полемика с противниками данного предварительного договора. В отличие от непосредственного обращения к ним во вводной части своего выступления в главной части ритор не называет конкретных субъектов, принадлежащих к оппозиции. На протяжении всей речи присутствуют косвенные отсылки (с включением неопределенных местоимений и страдательного залога) к тем людям или группам, которые были не согласны с результатами переговоров или скептически относились к их успешной реализации: *many said that could simply not be done, we were told, some people might pretend otherwise, there are some who have said.*

Еще одной отличительной чертой данного выступления является построение фреймовой конструкции в основной части с помощью топосов. Хотя излагая результаты об основных пунктах предварительного договора, ритор использует типичные топосы: темы будущего (*future relationship, future partnership, future framework, to move on*), партнерства с ЕС (*EU partnership, withdrawal agreement, arrangement, deal*), национальных интересов (*in our national interests, to deliver in our national interests*), безопасности (*it protects jobs, security, integrity, it has secured the rights*), контроля (*it takes back control, we will decide*), свободы выбора и независимости (*our own immigration system, a free trade area for goods, free to strike new deals, become an independent coastal state*), основная часть начинается с темы будущего страны, партнерства с ЕС, национальных интересов и заканчивается этими же темами. Подобная фреймовая конструкция используется для связи вступительной и заключительной части выступления, а именно обращение к оппонентам достигнутого соглашения. Однако если во вводной части Т. Мэй благодарит их за поддержку, то в заключительной части она апеллирует к их чувствам и эмоциям, используя тему выбора, перед которым стоит оппозиция. При этом тема выбора опять перекликается с темой национальных интересов и темой будущего и движения либо вперед, либо назад. Так, например, голосование против соглашения сравнивается с движением назад, при этом используется метафорический образ настольной игры, игроками которой являются все члены данного процесса (*Voting against a deal would take us all back to square one*). Используется апелляция к чувству страха, стыда (*It would mean more uncertainty, more division and a failure to deliver on the decision of the British people that we should leave the EU*).

Голосование за соглашение сравнивается с объединением страны и движением вперед (*If we get behind a deal, we can bring our country back together and seize the opportunities that lie ahead*). Таким образом, ритор использует логический силлогизм, который представляет только два варианта действий для слушателей, создавая тем самым ложную дилемму (*So the choice is clear: we can choose to leave with no deal; we can risk no Brexit at all; or we can choose to unite and support the best deal that can be negotiated – this deal*).

При этом стоит отметить, что апелляция к эмоциям и попытка оказать манипулятивное речевое воздействие на аудиторию присутствуют только в заключительной части, в целом же основная часть выступления построена на использовании фактов и рациональных доводов, которые доказывают, что

представленный парламентариям договор является лучшей альтернативой, чем остальные варианты. Так, в самом начале ритор использует ссылку на авторитет, цитируя слова председателя Европейской комиссии Ж.-К. Юнкера *decisive progress has been made in the negotiations*. Далее используются эпитеты в сравнительной степени, чтобы доказать преимущество данного соглашения (*better, more ambitious, lower number*), просто эпитеты (*bespoke deal*) и факты (*no other major advanced economy has such an arrangement with the EU*).

Также стоит проанализировать, как ритор позиционирует себя в данном контексте. Роль ратора как субъекта институционального дискурса становится очевидной при анализе местоимений, используемых им, когда речь идет о его позиции. Так, Т. Мэй использует бинарную пару местоимений «*I – we*», которая указывает на следующие характеристики образа ратора. В о - п е р в ы х, ритор отождествляет себя с правительством и использует местоимение *we, us*, когда речь идет о полученных результатах (*we agreed the provisional terms of our exit, this puts us close to a Brexit deal*). Но в то же время, когда Т. Мэй использует местоимение *our*, она отождествляет себя со страной и народом (*a future relationship that delivers in our national interest, an arrangement that is better for our country*). В о - в т о р ы х, ритор создает индивидуальный образ с помощью местоимения *I*, что можно рассматривать как нарушение норм и стандартов публичной речи в рамках институционального дискурса. Индивидуальное «я» демонстрирует: насколько эмоционально вовлеченной была Т. Мэй в ведение переговоров по этому вопросу (*I have been committed to ensuring that our exit from the EU deals with the issue of the border between Northern Ireland and Ireland, I do not pretend that this has been a comfortable process*). Используя тактику самопрезентации, она рассматривает полученные результаты как собственное достижение (*When I first became Prime Minister in 2016 there was no ready-made blueprint for Brexit, I have been committed day and night to delivering on the result of the referendum and ensuring the UK leaves the EU absolutely and on time*).

Таким образом, можно отметить наличие логических связей между всеми структурными элементами публичного выступления Т. Мэй. Композиционную четкость и стройность обеспечивает использование характерных для политического институционального дискурса топосов, которые позволяют создать единое коммуникативное пространство. Вводная часть выступления начинается с прямого обращения к оппонентам, заключительная часть также содержит обращение к оппонентам, которое выражается косвенными средствами. Отсутствие прямых атак на оппонентов или отсутствие их непосредственной критики соответствуют ожиданиям аудитории и коммуникативной ситуации, т.е. предполагается, что, обращаясь к членам парламента, ритор будет вести себя максимально сдержанно и вежливо. В то же время использование косвенных ссылок на присутствие оппозиции позволяет вести полемику с противоположной стороной.

Следуя канонам политического институционального дискурса и учитывая, что речь идет об аудитории с высоким культурным уровнем, основная часть убеждающих средств носит рациональный характер. Индивидуальный голос оратора проявляется, когда Т. Мэй прибегает к эмоциональным

аргументам в заключительной части своего выступления. Отступление от канонов публичного выступления объясняется эмоциональной вовлеченностью оратора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Риторика // Античные риторика / собр. текстов, ст., коммент. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. – М., 1978. – С. 3–164.
2. *Цицерон*. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма / Цицерон. – М. : Искусство, 1994. – 539 с.
3. *Волков, А. А.* Теория риторической аргументации [Электронный ресурс] / А. А. Волков. – Режим доступа : https://psyera.ru/sostavlyayushchie-obrazaritora_8791.htm. – Дата доступа : 11.12.2018.
4. *Дейк, Т. А. ван*. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
5. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. ; Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
6. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

The article considers the issue of creating the rhetorical image of a public speaker in the institutionalized political discourse. It analyzes typical and individual features of the speaker in the British parliamentary discourse.

Поступила в редакцию 29.12.2018

М. В. Орлова

ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА *ЗЕЛЕНЬ* В СЛОГАНАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ «DIE GRÜNEN»

Статья посвящена изучению политического дискурса на примере политических слоганов партии Федеративной Республики Германии «Bündnis 90/Die Grünen». В работе приводятся определения терминов *дискурс* и *политический дискурс*, дается их краткая характеристика. Описывается специфика политической коммуникации и выявляются особенности политической картины мира в Германии.

Для современной лингвистики характерно изучение вопросов, напрямую связанных с исследованием языка в его когнитивном аспекте. Речевая коммуникация сегодня является сформированным самостоятельным междисциплинарным направлением в системе гуманитарных наук. Современные исследователи акцентируют внимание на решении задач, связанных с созданием теоретической базы этого направления, с формированием его понятийно-терминологического аппарата, с описанием структуры коммуникативных процессов и их комплексного анализа. Перечисленные выше задачи определяют содержание теории дискурса.

В начале XX века в центре внимания многих лингвистов находился вопрос «Как устроен язык?», однако позднее на первый план вышел вопрос